

Обещание Пэй Яня ничуть не воодушевило Чжоу Дафэя.

Это казалось ему изощрённым издевательством: всё равно что соревноваться с Пэй Янем в решении теста, который тот сам же и составил. Да и проверять его, выставляя оценки, предстояло самому Пэй Яню.

Чжоу Дафэю безумно хотелось высказать Пэй Яню свои настоящие мысли — признаться, что он мечтает довести до ума собственный сценарий и снять по нему короткометражку минут на сорок.

Но до самого отъезда в Чунцин он так и не набрался смелости заговорить об этом.

Летний Чунцин напоминал раскалённую пароварку. В дождь здесь стояла удушливая духота, в солнечные дни — невыносимый зной; словом, пекло. Местный климат наложил отпечаток и на характер горожан, и на местную кухню: еда в Чунцине была обжигающе острой, а случайно вскочившая на кожу капля масла из хого жгла до слёз.

Если не считать редких коротких поездок, Чжоу Дафэй никогда не сталкивался с настоящим южным летом. С самого детства и до окончания университета он практически не покидал родных мест. В этом году он довольно долго прожил в Шанхае, но почти безвылазно просидел в загородной вилле Пэй Яня, где кондиционеры круглый год поддерживали приятную весеннюю прохладу.

В Чунцин они прилетели под вечер, когда только-только утих внезапный ливень. На выходе из аэропорта Дафэй встретил тяжёлый, влажный зной, висевший в воздухе плотной стеной. Ему сразу стало не по себе. В салоне автомобиля, увозившего их в отель, вовсю работал кондиционер; резкий перепад температур привёл к тому, что парня неожиданно укачало.

Закончив телефонный разговор, Пэй Янь заметил, что его спутник побледнел.

— Отложи планшет, не читай в дороге, а то укачает, — негромко посоветовал он.

Чжоу Дафэй безучастно мотнул головой, даже не подняв взгляда:

— Пустяки. Меня сроду не укачивало. Я спокойно перенёс даже серпантины в Тибете.

Дафэй изучал сценарий «Гипотермии». Он вывел на разделенный экран планшета две версии: новую, детально проработанную Пэй Янем для натурных съёмок, и прежнюю, краткую, которую получил ещё в Хэндяне. Каждая режиссёрская правка воспринималась им как жирный маркер преподавателя, обозначающий самые важные вопросы к экзамену.

Полностью подчиняться видению Пэй Яня при раскадровке Чжоу Дафэй не собирался, но держать его наработки перед глазами было полезно. Время поджимало, задача стояла колоссальная, поэтому он вгрызался в текст с тем отчаянным усердием, с каким студенты пытаются за ночь до сессии вызубрить годовой курс.

Пэй Яню не понравилось, что его заботу проигнорировали. Он скользнул взглядом по экрану планшета и заметил, что индикатор батареи в верхнем углу горит тревожным красным цветом.

— У тебя батарея почти села, — заметил он.

— У меня есть повербанк, — отмахнулся Чжоу Дафэй. Напряжение последних дней переросло в глухую тревогу, сделав его раздражительным, так что на недовольство Пэй Яня он даже не обратил внимания.

Сделав очередную пометку в документе, он проворчал себе под нос:

— Что за машина у тебя... Элементарно телефон на зарядку поставить нельзя.

—...

Большинство натуральных сцен для «Гипотермии» планировалось снимать в районе Цзянбэй, поэтому всю съёмочную группу заселили в местную гостиницу. Окна номера Чжоу Дафэя располагались на одном из верхних этажей, откуда открывался панорамный вид на весь полуостров Юйчжун.

По панорамному остеклению струились разноцветные неоновые огни ночного города. Дафэй долго стоял у стекла, невидящим взором уставившись вдаль — то ли любовался фантастическим пейзажем, то ли просто ушёл в свои мысли.

— Ну как тебе Чунцин? Нравится? — спросил Пэй Янь.

Где бы ни оказывался Пэй Янь, его привычки оставались неизменными. Даже приехав в кулинарную столицу Юго-Западного Китая, он не пожелал отведать местных деликатесов. Вместо этого он заказал в номер традиционные шанхайские блюда и бутылку дорогого красного вина.

— Красивый город, — отозвался Чжоу Дафэй. — И готовят тут потрясающе.

Пэй Янь тоже подошёл к окну. В его задумчивом взгляде промелькнуло с трудом скрываемое самодовольство.

— Да и люди здесь красивые, — добавил Дафэй.

—...

Пэй Янь мгновенно насторожился:

— Твоя бывшая... она ведь не из Чунцина?

—...

— Нет, конечно, — фыркнул Дафэй, удивлённый такой подозрительностью. — Слушай, лучше бы ты с таким же рвением мои раскадровки изучал, а не копался в древних сплетнях.

Пэй Янь усмехнулся:

— Договорились. Ну и как продвигается работа над «Гипотермией»? Завтра, между прочим, первый съёмочный день.

Чжоу Дафэй отвернулся от окна.

— Паршиво.

— Абсолютно ничего не чувствую.

— Такое ощущение, будто я вернулся к самому началу работы над «Лимонной прохладой». Опять ступор.

Пэй Яня этот ответ не удивил.

То, что Дафэй в конце концов блестяще справился с «Лимонной прохладой», объяснялось просто: он нащупал личную связь с героями, нашёл то, что искренне хотел высказать, и подстроил материал под себя. Но поймать это мимолётное сопереживание удаётся далеко не всегда, и уж точно не в каждой истории. Опирайтесь в творчестве исключительно на капризную музу сочувствия — путь тупиковый.

Пэй Янь лишь молча и ровно кивнул.

— Мне обязательно раскадровывать именно «Гипотермию»? — впервые за последние дни напрямую спросил Чжоу Дафэй.

— Ты не сможешь вечно выжимать сюжеты и раскадровки из собственного жизненного опыта, — Пэй Янь ушёл от прямого ответа, но безжалостно обнажил суть проблемы. — Равно как и заниматься делом, которое выбрал профессией, ориентируясь только на собственное «хочу» и

«не хочу».

— Это ещё почему? — тут же вспыхнул Дафэй. На этот раз в его голосе не было привычного шутливого упрямства — он говорил предельно серьёзно.

— Только то, что ты любишь всем сердцем, получается по-настоящему чистым и искренним. И мне плевать, откуда берётся материал, главное — хороша ли сама история!

— Личные переживания всегда самые достоверные. И я надеюсь, что моя собственная жизнь сможет без конца питать моё творчество новыми сюжетами.

Рассуждая об искусстве, посторонних людях или былых временах, Чжоу Дафэй частенько позволял себе дерзкие, почти безумные тирады.

Но Пэй Янь спускал ему это с рук так, как любящий хозяин сквозь пальцы смотрит на шалости щенка, громящего лужайку перед домом. Эта снисходительность не имела ничего общего ни с истинной свободой, ни с уважением.

Но стоило собаке попытаться сорваться с поводка и броситься к открытым воротам, правила игры мгновенно менялись.

Дафэй прекрасно осознавал, с кем имеет дело. Однако за месяцы, проведённые вместе, в глубине его души затеплилась зыбкая, нелепая надежда.

«Наверняка ведь и Пэй Янь когда-то о чём-то мечтал. Вдруг в его уцелевшей человечности найдётся хоть капля сострадания, и он решит меня отпустить?»

Он посмотрел на Пэй Яня с деланным равнодушием, хотя внутри у него всё сжималось от этого робкого ожидания.

Но Пэй Янь проигнорировал его взгляд.

Он прекрасно понимал, что творится в душе парня, и без труда догадывался о его тайных помыслах.

Пэй Янь сам когда-то окончил киноакадемию и не понаслышке знал тернистый путь, по которому вынуждены пробиваться молодые режиссёры без связей и покровителей: бесконечно строчить сценарии, обивать пороги инвесторов, на коленке снимать копеечные короткометражки, борясь с лавиной непредвиденных проблем, а затем рассылать работы по фестивалям в надежде на чудо.

Редкие счастливицы заявляли о себе громким дебютом; те, кому везло чуть меньше, годами

отвоёвывали право оставаться в профессии, а подавляющее большинство под гнѐтом обстоятельств или собственных слабостей попросту сходило с дистанции.

— Давай сначала поужинаем, — после недолгой паузы мягко произнёс Пэй Янь. — А к раскадровке вернёшься попозже.

Дафэй тихо, почти бесшумно выдохнул. Его захлестнуло горькое разочарование, похожее на чувство человека, чей лотерейный билет в очередной раз оказался пустышкой.

— У меня нет аппетита. Ешь без меня.

Пэй Янь не стал настаивать. Он молча сел за стол и принялся за ужин с привычной неторопливой грацией.

Он искренне считал, что Дафэю вовсе не обязательно проходить через все эти круги ада. Финансирование, пиар, профессиональную команду и любые ресурсы — всё это он мог преподнести ему на блюдецке.

Но было и другое, более эгоистичное соображение. Тот самостоятельный путь, пусть и невероятно тяжѐлый, даровал свободу. И если бы Чжоу Дафэй прошѐл его сам, то все лавры принадлежали бы только ему одному.

И пусть Пэй Яня до глубины души уязвляли грязные слухи, которые поползут за его протее, после долгих размышлений он понял главное: выпустить эту птицу из клетки он не готов.

На следующий день официально стартовал съѐмочный процесс.

Пэй Янь распорядился поставить рядом со своим режиссѐрским креслом ещё одно — специально для Чжоу Дафэя. Парень никак не мог расшифровать этот жест: было ли в нём больше искренней заботы или стремления держать его на коротком поводке? Из-за гнетущей погоды и скверного настроения Дафэй все эти дни ходил чернее тучи.

Пэй Янь почти не комментировал те наброски раскадровки, которые Дафэй послушно приносил ему каждый вечер. Да и в критике не было нужды: парень сам прекрасно видел, насколько беспомощными и блѣклыми получались его рисунки.

Жесточайшие рамки, в которые его загнал Пэй Янь — навязанный сценарий, чуждая стилистика, заранее утверждённые локации, — сковывали по рукам и ногам. Дафэй чувствовал себя заложником, которого заставили исполнять ненавистный танец в кандалах: движения выходили неловкими, рваными и карикатурными.

И всё же он изо дня в день продолжал корпеть над бумагой, безропотно сдавая готовые листы на проверку своему грозному куратору.

Спустя несколько дней Пэй Янь решил сопоставить все накопившиеся наброски, и увиденное привело его в крайнее раздражение.

Да, в целом раскадровка выглядела убого, но в ней прослеживалась одна любопытная деталь: стоило в кадре появиться Шэнь Цзую, как карандаш Дафэя словно обретал уверенность. Портретные планы актёра вышли на редкость живыми, а парочка крупных планов и вовсе заслуживала высшей похвалы.

Вспомнив главную особенность творческого метода своего подопечного — тот творил шедевры лишь тогда, когда испытывал к объекту искреннюю симпатию, — Пэй Янь посреди рабочего дня едва не задохнулся от удушливой волны ревности.

После того натянутого разговора в первый вечер и бесконечных мучений над эскизами Чжоу Дафэй окончательно замкнулся в себе. Он упорно игнорировал Пэй Яня, разговаривая с ним исключительно по делу. Пэй Янь, чувствуя уколы совести из-за поднявшейся вокруг парня волны сплетен, решил проявить великодушие и слегка ослабить хватку.

Контроль на съёмочной площадке заметно смягчился.

Дафэй мгновенно почувствовал свободу и не преминул воспользоваться моментом. Если раньше он вежливо ограничивался короткими профессиональными репликами с актёрами и рабочими группы, то сегодня в обеденный перерыв обнаглел до того, что увлечённо заболтался с Шэнь Цзую.

Пэй Янь стиснул в кулаке листы с раскадровкой так, что бумага жалобно хрустнула.

«Я тут, понимаешь, проверяю его каракули, а он всю прохлаждается с Шэнь Цзую?!»

Из размышлений его вырвал робкий голос Би Цзяцзя:

— Режиссёр Пэй.

— Что такое? — отозвался тот, не сводя глаз со сладкой парочки в отдалении.

После того злополучного разговора с Чжоу Дафэем девушка места себе не находила от тревоги, хотя друг и уверял её, что конфликт улажен.

Лишь убедившись, что режиссёр Пэй ведёт себя как обычно — то есть нещадно распекает её за малейшие огрехи в кадре, — она смогла наконец вздохнуть с облегчением.

— Понимаете, я ведь сама родом из Чунцина, — заговорила Би Цзяцзя, стараясь держаться непринуждённо. — Давно собиралась угостить всю группу настоящим местным хого, но график у нас сумасшедший, никак время не выкроить. Зато я знаю отличную лапшичную неподалёку, там готовят потрясающие традиционные блюда. Можно устроить доставку прямо на площадку, я за всё заплачу. Обед за мой счёт!

Пэй Янь на мгновение задумался.

— Хорошо. Договорись напрямую с ребятами из отдела снабжения.

— Замечательно! — обрадовалась актриса. — А какую степень остроты вы предпочитаете?

— Мне слабоострую, — Пэй Янь мазнул взглядом по Дафэю, который в этот момент весело рассмеялся над какой-то шуткой Шэнь Цзюя. — А Чжоу Дафэю закажи самую жгучую. Чтобы прямо огонь из ушей. Да, бери максимальный уровень остроты, какой у них только есть.

— Эм... — Би Цзяцзя растерялась. — Но наш чунцинский «экстра-острый»... это совсем не то же самое, что в других провинциях. Неподготовленный человек просто не сможет это есть.

— Прекрасно знаю, — с ледяной усмешкой перебил её Пэй Янь. — Плевать. Заказывай самую острую из всех возможных.

—...

Би Цзяцзя проследила за направлением его взгляда и с жалостью посмотрела на ничего не подозревающего друга.

А Чжоу Дафэй продолжал всюду флиртовать — или просто дружески беседовать — и в порыве эмоций панибратски похлопал Шэнь Цзюя по плечу.

Раздался сухой, резкий хлопок: Пэй Янь с размаху швырнул стопку листов на пластиковый столик.

Би Цзяцзя торопливо кивнула, мысленно зажигая поминальные свечи по бывшему парню своей близкой подруги.

— Поняла. Будет сделано! Самую острую.

«Пусть земля тебе будет пухом, Дафэй», — тоскливо подумала она, поспешно ретируясь.

<http://bllate.org/book/19003/1963695>